

Концепт *интеллигенция* в смысловом пространстве современной русской культуры

1. Некоторые рассуждения о методе

Прежде чем приступить к конкретному анализу сложного, противоречивого, но, безусловно, ключевого для русской культуры концепта *интеллигенция*, нам видится целесообразным обозначить основные принципы и методологические основания концептуального анализа, который мы намерены с этой целью применить.

Первое, с чем мы сталкиваемся при выборе концептуального анализа в качестве основного исследовательского подхода, это связанная с ним двусмысленность, всплывающая из двойственного понимания ключевого термина «концепт». С одной стороны, концептуальный анализ есть анализ концептов, под которыми понимаются существующие в интересующем мире (т. е. как бы «объективно») культурно-ментально-языковые образования, структурирующие смысловое пространство культуры. С другой, он выступает как способ исследования, осуществляющийся при помощи концептов. В таком случае концепт есть не что иное, как теоретическая единица, конструируемая исследователем (т. е. как бы субъективно) для определенного удобства в осмыслении и систематизации материала. Обозначенная двойственность, которая, на первый взгляд, необратимо приводит к методологической путанице, является, по нашему мнению, сущностной и определяющей чертой концепта. Диалектическое взаимодействие в структуре концепта общего, стереотипного, воспроизводимого содержания, соответствующего понятию «*значение слова*» (область семантики), которое отражает разделяемые большинством членов того или иного культурного сообщества представления о предмете, явлении, событии, и индивидуального неповторимого «*смысла*» (по преимуществу область прагматики, реализующейся в конкретных коммуникативных актах), привносимого отдельным интерпретатором в процессе пропуска типичного через призму субъективного опыта и субъективной оценки, есть необходимое условие для запуска культурного механизма приращения смысла.

Главным вопросом, возникающим при такой постановке проблемы, становится вопрос о сводимости того, что мы назвали концептом как «теоретиче-

ским конструктом» к его смысловой (субъективной) составляющей. То есть, можем ли мы говорить, что когда некоторый исследователь X осуществляет анализ какого-либо концепта (например, концепта *интеллигенция*) помимо общекультурных смысловых узлов, сознательно или несознательно будут эксплицированы субъективные смысловые акценты и приоритеты? Полагаем, что да. Субъективность описания может проявиться как в открытой форме (например, описании личных ассоциаций, впечатлений), так и в скрытой (в выстраивании иерархии характеристик концепта, либо умалчивании о каком-то из наличествующих в коллективном сознании его сторон). В этой связи, весьма показательной является рецензия В. Руднева на книгу Ю. С. Степанова «Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования» [12]. Как отмечает Руднев, попытка Степанова создать словарь «гармонизированных концептов» (а, следует отметить, что у Степанова концепты — это «объективные» сущности, особые способы мышления, деятельности и чувствования, существующие вне индивидуальных сознаний и навязываемые субъекту независимо от его желания) сильно напоминает описание Тэйлора быта и нравов обществ, находящихся на ранних стадиях развития. Стремление к объективности, однако, не помешало Степанову сделать свой словарь на удивление этноцентричным и систематически упускать из виду те смысловые оттенки, которые не укладываются в «гармоничную», «бесконфликтную» структуру концепта.

Наше утверждение о невозможности чисто «объективного» описания концепта базируется на фундаментальном постулате постнеклассической научной парадигмы о необходимом учете характеристик наблюдателя при анализе наблюдаемого объекта, и более частной герменевтической методологии, опирающейся на субъект — субъектный подход, в котором и интерпретатор и интерпретируемый текст (текст может пониматься в самом широком смысле как любая последовательность знаков) выступают в качестве равно задействованных в процессе истолкования сторон.

Помимо оппозиции «субъективное — интерсубъективное» в структуре концепта наличествует еще одна важнейшая пара — «ментальное содержание — языковое выражение». Основной тезис, который мы утверждаем относительно этого соотношения, состоит в необязательности однозначной привязки содержания концепта к своему имени. Отсутствие прямого соответствия проявляется в следующих феноменах: под одним именем могут быть сконцентрированы несколько ментальных содержаний, либо одно и то же содержание (согласно лингвокогнитивной терминологии такое содержание и есть собственно «концепт») может быть выражено под разными именами. Концепт как некое культурно-обусловленное знание об объекте, феномене, событии всегда будет намного глубже, сложнее и стереоскопичней, чем языковое значение соответствующего ему имени. В принципе содержание концепта до конца неисчерпаемо. Концепт становится неким горизонтом, не достижимым, но задающим направление интерпретации. Но, несмотря на отсутствие однозначных взаимоотношений между ментальным языком (внутренним лексиконом) и языком вербальным, «мы бы не знали ни о существовании мысли, ни о существовании смысла, если бы не слово, не текст» [6, с. 32]. То есть, важнейшей характеристикой концепта является то, что, в ситуации отсутствия у него системной языковой номинации, он всегда может быть выражен, если не через

одно имя, то через развернутое описание, жесты, мимику и т. д. Концептуальный анализ или концептуальная интерпретация будет состоять из сбора, классификации и ранжирования ассоциативных данных, сконцентрированных в культуре вокруг данного концепта.

Сведение концепта только к содержательной стороне смыслообразования на наш взгляд не достаточно, концепт — это не только содержание, это всегда диалектическое единство акта и результата. Подчеркивание процессуального характера наиболее показательно в философских теориях концепта, начиная с концептуализма П. Абельяра, у которого концепт предстает как «акт “схватывания” смыслов вещи в единстве речевого высказывания» [10, с. 306], и заканчивая постструктуралистским философствованием Ж. Делеза и Ф. Гваттари, где концепт предстает как некое «чистое Событие», «мыслительный акт» [4]. В качестве методологического основания для описания концепта в единстве его процессуальной и содержательной сторон может стать теория ноэтически-ноэматической структуры сознания Э. Гуссерля, в которой ноэзис представляет собой направленный на объект акт сознания, а ноэма — сам объект, данный в акте сознания (значение, знак и т. д.). В современной когнитивной лингвистике единство акта и результата отражается в трудно переводимом на русский язык понятии «когниция». Как отмечает Н. Н. Болдырев: «Когниция — это и сам познавательный процесс, и результаты этого процесса — знания» [1, с. 23]. В отличие от простого познания, которое часто отождествляется с научным, логическим постижением «объективного мира», когниция включает в себя повседневные, чувственные, пралогические формы конституирования действительности.

Основной вывод, который мы можем сделать, исходя из обозначенного выше тезиса, состоит в признании концепта динамичной, самоинтерпретирующей структурой, не в том смысле, в котором, например, в структурализме язык интерпретирует сам себя, а с учетом выше оговоренной субъективности концепта, его включенности в экзистенциальный контекст. Поскольку интерпретирующий потенциал у каждого человека разный, концепты могут попадать в индивидуальное сознание либо практически в виде дубликата культурных стереотипов, либо настолько трансформироваться под воздействием персональной смысловой сетки, что способны вступить в конфронтацию с общепринятыми, «расхожими» представлениями. Лаконично и точно эту идею обозначил Д. С. Лихачев: «Потенциал концепта тем шире и богаче, чем шире и богаче культурный опыт человека» [7, с. 4].

Последнее замечание, которое мы хотели бы сделать, прежде чем перейти к конкретному анализу, касается понятия «концептосфера». Концептосфера — представляет собой иерархическую совокупность концептов, которая выступает в качестве базы или основания для формирования «картины мира» отдельного носителя культуры, либо всего этноса в целом. Любой концепт включен в систему взаимоотношений с другими концептами, определяет их и через них определяется сам. Концепты могут концентрироваться в одном смысловом поле либо по принципу семантической близости (например, такие концепты как *интеллигенция*, *элита*, *интеллектуалы*), либо как бинарные оппозиции (*добро — зло*, *мужское — женское* и т. д.). Не исключено, что одни и те же концепты могут в одном контексте выступать как семантически приближен-

ные, а в другом как противоположные (например, в русской концептосфере делается акцент на различие *интеллектуала* и *интеллигента*, в то время как в европейских языках они в принципе синонимичны).

2. *Интеллигенция*: ядро концепта

Концептуальный анализ феномена интеллигенции — это процесс, который осуществляется в современной культуре на нескольких уровнях. На уровне профессионального гуманитарного дискурса (работы Б.А. Успенского [15], Ю.С. Степанова [14], А.М. Камчатнова [5], и др.) и на не профессиональном или обыденном уровне (если рассматривать понятие «концептуальный анализ» в расширительном значении, как любое рефлексивное обращение к концепту). Такой интерес, на наш взгляд, может быть вызван определенной смысловой неопределенностью концепта, либо, более радикально, наличием в нем смысловой лакуны, провала (*hole in pattern*). Данный вывод, возможно, покажется парадоксальным. Но именно эта парадоксальность стала ключевой темой постмодернистского философствования, которое обнаружило, что мысль (как индивидуальная, так и социальная) начинает более активно циркулировать как раз вокруг смысловых пустот (Ж. Делез). Там где имеет место четкость и относительная однозначность в толковании содержания концепта, отсутствует необходимость в сильных затратах интеллектуальной и эмоциональной энергии. Мысль становится беспокойной в ситуации неопределенности. Например, если в процессе повседневной коммуникации транслируется концепт СТОЛ, то, скорее всего, у реципиента не будет активно задействована его интерпретирующая функция, окажется достаточным знание языкового значения. Если же вам зададут вопрос: «Считаете ли Вы себя интеллигентом?», вероятно, что в сознании всплывет множество противоречивых ассоциаций («совесть нации», «гнилая интеллигенция», «а еще шляпу одел» и т.д.) переработка которых, потребует значительных затрат.

Концепт *интеллигенция* — это удивительно ускользающий от определения феномен, ускользающий именно в силу множества присутствующих в нем смысловых оттенков. Данная статья не претендует на то, чтобы проследить феномен русской интеллигенции во всей его исторической развертке, и мы не ставим перед собой задачу представить всю многообразную смысловую палитру, связанную с ним. Скорее, наш анализ представляет собой попытку обозначить доминирующие, по нашему мнению, субзначения концепта *интеллигенция*, которые присутствуют в современном языковом сознании. Поэтому исследование носит отчасти субъективный характер, что вполне соотносится с общей, ранее обозначенной методологией. В анализируемый материал входят как устоявшееся клише, сконцентрированные в массовой культуре, так и современная публицистика, художественная и философская литература.

Прежде всего, попытаемся вычленил наиболее устойчивые, разделяемые большинством носителей культуры представления, которые можно будет назвать *ядром концепта*.

Этимология концепта *интеллигенция* восходит к латинскому *intellegentia*, которое можно перевести как «сознание, понимание в их высшей степени. Ассоциативное поле, связанное с концептом *интеллигенция* достаточно мно-

гообразно. Интеллигенция она и добрая, порядочная, гуманная, человеческая, совестливая, высоконравственная, гонимая, и высокомерная, трусливая, жалкая, оторванная от народа, бессильная, лживая, гнилая и т. п. Часто она выступает либо как нечто «безразмерно — комплементарное», либо как «безразмерно — ругательное». В диахронической развертке начало формирования в русской культуре концепта *интеллигенция* относится к 60-м годам XIX столетия, когда появляются его первые описания и оформляется особый интеллигентский дискурс. Именно в это время закладывается ключевой для дальнейшего развития смысловой каркас концепта, интеллигенция начинает пониматься как *субъект исторического самосознания народа*, как «определенная, исторически и социально вполне конкретная часть народа, взявшая на себя социальную функцию общественного самосознания от имени и во имя всего народа» [14, с. 613—614].

Практически сразу в русском культурном сознании возникает проблема взаимоотношений концептов *интеллигенция* и *интеллектуалы*. Возникнув на основе западной модели образованного класса, первое, что поспешила сделать наша отечественная интеллигенция — это отказаться от своих европейских корней. Появляется устойчивое и принципиальное для определения национальной специфики различие между интеллектуалами как социальным слоем, расписанным по четким профессиональным нарративным траекториям (работники умственного труда) и интеллигенцией как «спонтанных носителей правды». Представление об интеллигенции как «совести народа», как хранительнице и истолковательнице истинных этических ценностей, безусловно, является ядерным элементом в структуре концепта. При этом нравственная составляющая тесно связана с представлением об общественном долге, основанном на мессианской идеологии. Интеллигент — это человек, посвятивший себя заботам об общем деле, ратующий за благополучие всего народа, жертвующий личной жизнью ради процветания своей страны. Центральными вопросами, структурирующими когнитивность русской интеллигенции, становятся извечные вопросы — «Кто виноват?» и «Что делать?», не менее постоянной характеристикой интеллигенции является ее неспособность дать относительно внятные ответы на эти вопросы.

Второй базовый смысловой компонент не имеет уже однозначно позитивной эмоциональной окраски. Он опирается на представление о противоречиях, пронизывающих сознание русской интеллигенции, которые проявляются в несовпадении интенции и результата («хотели как лучше, а получилось как всегда», «потенциально желали добра народу, а реально сделали зло»), желаний и компетенции («интеллигент тот, кто желает знать, но не знает о чем ему нужно знать; тот, кто желает думать, но не знает о чем ему думать»), намерений и действий («если интеллигенция действует, то не понимает, если понимает, то не действует», «интеллигенция размышляет, но не живет»). Совмещение у ядра концепта по-разному заряженных смысловых полей делает его весьма проблемным, но тем самым более притягательным для активной культурной интерпретации. Выделение в качестве центральных значений нравственной составляющей и экзистенциальной противоречивости русской интеллигенции может быть оспорено, поскольку, как мы уже не однократно отмечали, структурирование концепта носит отчасти субъективный характер.

3. Интеллигенция в контексте беспочвенности

Значимым моментом для концептуального анализа интеллигенции становится раскрытие его социальной (либо асоциальной) принадлежности. Вопрос о социальной «прописке» русской интеллигенции был актуален с самого начала ее формирования. Варианты ответа были различными: «высший образованный слой общества» (П. Д. Боборыкин), «чиновники, представители административной власти» (П. А. Валуев), люди свободных профессий или «свободные художники». Однако, несмотря на многообразие вариантов, в массовом сознании устоялось несколько наиболее устойчивых значений. Среди них, пожалуй, доминирует представление об интеллигенции как социальной группе, занимающейся интеллектуальной, творческой деятельностью. Интеллигент — человек умственного труда, работающий в «мире идей». Наряду с констатацией «захвата» интеллигенцией привилегий на доминирование в духовной сфере общества, в концепте появляется негативно заряженное значение преднамеренного избегания ею физического труда. Наиболее остро этот смысловой оттенок актуализировался в советское время, когда концепты *рабочий* и *интеллигент* в рамках единой концептосферы выстраиваются как оппозиционные. *рабочий* — трудолюбивый, честный, простой; в то время как *интеллигент* (или даже *интеллигентшишка*) — «белоручка», «с двойным дном», «далекий от народа» и т. п.

Существует и другой достаточно укорененный в концепте смысл, связанный с проблемой социального статуса интеллигенции, утверждающий, что интеллигенция — это не социальное, а чисто идеологическое единство. В социальном плане она оказывается совершенно неуловима. Интеллигенция — это один из немногих классов, для которого вопрос о своем социальном месте остается перманентно актуальным. Точнее будет сказать, что она позиционирует себя как асоциальную группу. Огромное значение в этом контексте для самосознания интеллигенции приобретает идеология беспочвенности. Интеллигенция — это «лишенная почвы, асоциальная группа, или секта, отщепенцев» [5, с. 113]. Беспочвенность предполагает независимость интеллигенции как «идейного образования» от религиозных, политических, социальных и культурных корней. Беспочвенность, в какой-то степени, должна стать зарокотом независимости и чистоты мысли и совести, не обремененных устоявшимися традиционными ценностными системами. Стремление к люмпенизации и маргинализации наиболее ярко проявилось в советский период в феномене диссидентства. «Поколение дворников и сторожей» — это поколение высококультурно и интеллектуально развитых людей, либо сознательно избегавших вовлечения в устоявшиеся социальные или идеологические структуры, либо оказавшихся выброшенными самим государством на периферию общественной жизни. В тактике русской интеллигенции одновременно проявились принципы структуралистского и постструктуралистского исследовательских методик. С одной стороны, утвердилось представление о том, что «объективно» описать культуру, а главное выявить ее недостатки, можно только извне (а отсюда, так называемая «оторванность от народа»). С другой, в качестве деклассированного или пограничного элемента интеллигенция становится доминирующим источником смыслообразования, так как возникновение нового смысла становится возможным только в ситуации лавирования между ста-

тичными дискурсами, такими как дискурс государства и дискурс народа. Беспочвенность интеллигенции делает ее субъектом инновационного процесса в культуре. Однако, несмотря на свою беспочвенность, интеллигенция должна содержать некую точку сборки, обеспечивающую ее самоидентификацию. Таким интегрирующим началом становится уже весьма далекий от постструктурализма, традиционный категорический императив. Интеллигент — это не социальный, религиозный или идеологический статус, это характеристика человека, у которого долг становится трансцендентальной структурой, первичной по отношению к любым иным эмпирическим характеристикам.

4. Интеллигенция в системе самоидентификации

Явление русской интеллигенции уникально в том смысле, что ее возникновение и развитие ее концепта есть по большей части результат ее собственного самоописания. Интеллигенция в некотором роде сама придумала интеллигенцию, закрепила за ней особое положение, наделила священной миссией, сделала себя совестью и гарантом нравственности. Собственно история интеллигенции — это результат ее литературного творчества, созданного ей самой мифа об особом роде людей, озабоченных поиском правды и жертвующих собой ради общего блага. Интеллигентом становится тот, кто овладевает сконструированным ею самой дискурсом, чье мышление и речь разворачивается по заданным правилам интеллигентской «языковой игры». Интеллигенция — «самозванка», поскольку ни народ, ни государство не наделяли ее полномочиями быть «цветом и гордостью нации». При этом в процессе самоидентификации интеллигенции возникает весьма интересный механизм. А. Ф. Лосев писал: «Имя есть орудие понимания. Это значит, что именуемая вещь раньше всего понимает сама себя, а *затем* и *потому* — ее понимает и всякая другая вещь» [8, с. 201]. В связи с этим встает вопрос о том, кто в русской культуре, согласно устоявшимся языковым и этическим нормам, может назвать себя интеллигентом. Здесь и проявляется определенный парадокс — слово «интеллигент» по негласным стандартам русского языка не эгоцентрично. Как-то не принято, «не удобно» и самонадеянно в России говорить: «Я — интеллигент!». Самоописание интеллигенции практически никогда не производится от первого лица. Интеллигенция оказывается абсолютно неуловимой, эфемерной сущностью, лишенной денотата, поэтому ее самоопределение часто осуществляется апофатически. В этом контексте очень показательным часто встречающееся в современной русской публицистике выражение: «те, кто выступает от имени интеллигенции», из которого следует, что существует некая интеллигенция, представители которой остаются абсолютно мифическими персонажами, а есть «некто», кто незаконно эксплуатирует ее имя. Имя и носитель имени теряют друг друга. Для конструирования своей онтологии интеллигенция прибегает к использованию нескольких прецедентных имен (например, А. Сахаров или Д. Лихачев), вокруг которых формируются эмоциональный фон концепта и с помощью которых уже персонифицированный концепт *интеллигенция* укореняется в массовом сознании (происходит то, что Р. Барт назвал «онтологизацией концепта»).

Интересно, что не только возвышать, но и низвергать интеллигенцию по преимуществу всегда было прерогативой самой интеллигенции. Аутоде-

струкция в совокупности с комплексом вины породили особый философско-литературный жанр самобичевания (к первому произведению такого жанра вполне можно отнести легендарные «Вехи»). Глубочайший самоанализ, критика собственной несостоятельности, рефлексивное «переваривание» сформировали устойчивое представление об интеллигенции как продукте распада. «Интеллигенция — это гниение ума» или «Интеллигенция — это не мозг нации, а говно» (В. Ленин) — есть весьма типичные выражения в адрес интеллигенции, сделанные борцами за справедливость и народное благосостояние, т. е. самими интеллигентами. Не менее интересно в этой связи звучат «комплементы» в адрес интеллигенции из уст представителей русской философской мысли, например, высказывание А. Ф. Лосева о том, что «Толстой был интеллигентом... Ленин был интеллигентом, а у меня свое — лосевское» [13, с. 204], или более радикальное заявление В. В. Розанова: «Пока не передавят интеллигенцию — России нельзя жить. Ее надо просто передавить. Убить» [11, с. 192].

5. Интеллигенция versus власть / интеллигенция versus народ

В составе русской концептосферы концепт *интеллигенция* всегда занимал срединное положение между концептами *власть* и *народ* (именно отсюда возникают такие характеристики интеллигенции как «прослойка», т. е. нечто, находящееся между двумя основными слоями, или «посредник»). В ситуации культурного раскола, который преследовал Россию практически на протяжении всей ее истории, интеллигенция возникла как структурно необходимый промежуточный слой, предназначенный для социальной «смазки» двух контрастных общественных классов. Поэтому система взаимоотношений интеллигенции с властью (которую она, как правило, разоблачает) и народом (совестью которого она является) становится для нее конституирующей.

В оппозиции «интеллигенция — власть» проявляется одна из важнейших смысловых констант концепта — критическое мышление. Как отмечает Б. А. Успенский: «одним из фундаментальных признаков русской интеллигенции является ее принципиальная оппозиционность к доминирующим в обществе системам» [15, с. 10]. Интеллигенция как наиболее активная рефлексивная общественная сила направлена на разоблачение конкретных правительственных структур, а иногда на принцип власти как таковой. Практически с самого начала своего формирования интеллигенция заняла антигосударственную позицию, ее задача — обнажать несостоятельность принципов и методов государственного управления. Еще П. Б. Струве подчеркивал, что интеллигенция в России характеризуется особым «интеллигентским противогосударственным отщепенством» [2, с. 174]. Интеллигенция становится в своем роде лакмусовой бумажкой русского исторического самосознания. Своим присутствием в общественной системе она вынуждает власть активизироваться, быть более демонстративной и грубой. Устойчивое выражение «продажная интеллигенция» в качестве доминирующего смыслового компонента содержит именно связь интеллигенции с властными структурами или подыгрывание центральной политической идеологии.

Б. М. Фирсов выделил две модели взаимоотношения интеллигенции и власти [16]. Первую он обозначил как «конфуцианскую», в рамках которой интел-

лигент является неотъемлемой частью государственного аппарата, на который он работает, за что получает полное материальное и социальное обеспечение. Вторая модель, более укорененная в русском сознании, это «даосская» модель, где интеллигент обособлен от властных структур, социально не устойчив, живет случайными заработками. «Даосская» модель наиболее наглядно стала доминировать в постсоветском культурном пространстве, где интеллигентам приходится жить на свой страх и риск, самопроизвольно интегрируясь в неофициальные «даосские» объединения.

Смысловая пара «интеллигенция – народ» вызывает еще более эмоционально заряженный пучок ассоциаций. Взаимоотношения между русской интеллигенцией и народом носят двойственный характер: с одной стороны «народопоклонничество», с другой «оторванность», элитаризм. В семантическом поле в одном ряду с концептом *народ* в качестве антитезы *интеллигенции* стоит концепт *мещанство*, смещающий смысловой акцент к проблеме интеллектуальной, нравственной и духовной ограниченности «простого народа». Интеллигенция выступает как «малый народ», для которого «большой народ» становится материалом для реализации своих грандиозных замыслов. В качестве демиурга интеллигенция наделяет формой и направляет по своему характеру стихийные и хаотичные массы. Используя сексуальную метафору, Н. Покровский отмечает, что в системе взаимоотношений с интеллигенцией народ предстает в виде пассивного сексуального партнера, по-видимому, не лишённого к тому же мазохистской ориентации.

Еще более претенциозно звучит призыв интеллигенции стать «совестью народа». Сама такая постановка вопроса возможна только при допущении, что сам народ не способен к моральной рефлексии, то есть является сущностью по природе безнравственной. Народ как бы делегирует интеллигенции функцию нравственного контроля. Весьма интересна в этой связи ситуация, которая наблюдается в современном обществе, когда все более настойчиво слышатся призывы поддержать интеллигенцию (прежде всего, материально), не дать «цвету нации» умереть с голоду. Как иначе можно охарактеризовать данную ситуацию, как не «делку общества со своей совестью».

Однако в то время, когда русская интеллигенция с удивительным упорством твердит о своей главной цели как о достижении народного блага, русский народ с удивительным упорством сопротивляется. Ключевая для интеллигенции метафора «прорыва к народу» сама по себе несет семантический оттенок сопротивления. Законно возникает вопрос, насколько уместно считать субъектом исторического самосознания группу людей, не любимую, не принимаемую и не понятную народу. Вся проблема и трагедия русской интеллигенции состоит в том, что, самоопределяясь через разотождествление с народом, она имеет глубокое убеждение, что может его облагодетельствовать.

6. Интеллигенция и просвещенческий проект

Интеллигенция как особый социокультурный феномен есть безусловное порождение просвещенческой идеологии. Для аргументации данного положения приведем основные постулаты эпохи Просвещения: во-первых, вера в преобразование народа путем его воспитания и образования; во-вторых, убежден-

ность в том, что в человеческих силах контролировать и направлять исторический процесс; в-третьих, уверенность в возможности достижения всеобщего счастья.

Все вышеперечисленные положения становятся программными для русской интеллигенции, возникшей на базе европейского либерализма. Главная функция, которую берет на себя интеллигенция — «быть просвещенной и просвещать других людей». Наиболее ярко просветительская миссия интеллигенции выступает на фоне характерной для русской культуры оппозиции «просветленная элита — темный народ». Интеллигенция выступает как хранитель, транслятор и основной производитель национального наследия. Ее задача — перевести закодированное знание избранных на язык, доступный «молчаливому большинству», приобщить массы к высшим достижениям человеческого гения, предложить особую модель восприятия мира, более совершенную и разумную, разбудить политическое сознание. Подвижническая деятельность по развитию духовного потенциала народа и охране культурных богатств возвела интеллигенцию в статус основного глашатая истины.

Вторая навязчивая идея русской интеллигенции взять в свои руки исторический процесс, направить его в правильное русло. Слабость к глобальным философским построениям и созданию грандиозных проектов будущего становится основной специфической особенностью интеллигенции, не зависимо от ее политической направленности (либерально-западнической или национально-почвенной). В качестве идеала может выступать как достижение коммунизма, так и православного «всеединства». При этом конструирование совершенного общества практически всегда осуществлялось с искренней верой в его воплощение, с твердым убеждением, основанным на телеологическом представлении о неизбежном прогрессе человеческой истории. Умозрительность и абстрактность мышления, присущие русской духовной элите, отразились в концепте *интеллигенция* в виде таких оценок как «оторванность от жизни», «одержимость непонятными идеями», «утопичность» и т. п. Особенностью творческой работы интеллигентов над русской историей является то, что созданные в ее процессе проекты часто остаются в виде проектов, либо итоги реализации ее задумок очень сильно расходятся с первоначальными замыслами, как говорится, «хотели как лучше, а вышло как всегда».

Трансцендентальная цель русской интеллигенции — «воздвижение невестинного храма всечеловеческого счастья». В достижении всеобщей гармонии интеллигенция отводит себе самую ответственную роль. Неся в народ «плоды просвещения» и направляя его по истинному историческому пути, она обязуется, наконец, привести общество к царству разума и справедливости.

Неудивительно, что разговоры о смерти интеллигенции начинаются с кризисом просвещенческого проекта. По всем основным параметрам интеллигенция есть феномен новоевропейской культуры, который начинает утрачивать свою легитимность вместе с дискредитацией представлений о всеильном разуме, доброй природе человека и историческом прогрессе. Смерть интеллигенции, также напрямую связана с еще одним культурным переворотом — закатом «галактики Гутенберга».

7. Интеллигенция и книжная культура

Идентичность интеллигенции конструируется через приобщение к особому интеллигентскому дискурсу [9]. Интеллигенция сама по себе есть «ходячая дискурсивность», текстовый феномен, относящийся к миру, в центре которого была книга. Она, с одной стороны, сама выступает как литературный персонаж, с другой (даже если рассматривать ее как социальный феномен), ничего не производит кроме художественно-философской публицистики и иных разновидностей коммуникативной продукции.

Когда мы утверждаем, что интеллигенция — это литературное творение, это значит, что ее образ, приписываемые ей качества, проблемы и трагедии есть результат творчества русской классической литературы (в лице Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова и др.) и философии (П. Б. Струве, Н. А. Бердяев, С. Я. Франк и др.). Случай с русской интеллигенцией является один из тех, когда модели, зафиксированные в ключевых культурных текстах, начинают определять, направлять и задавать правила социальных игр. Это не означает, что интеллигенция есть в чистом виде вымысел, вернее будет сказать, что это феномен особой реальности, построенной на фундаменте книжной культуры, а ее онтология строится через опосредование конкретной знаковой, дискурсивной системой.

Есть ли на сегодняшний день основания говорить о смерти интеллигенции и превращении концепта *интеллигенция* в симулякр? На наш взгляд есть. Связано это с общей фундаментальной трансформацией принципов и каналов трансляции культурных значений в новой информационной эпохе. В пространстве масс-медиа, внешней знаковости и клипового сознания такое смысловое образование как интеллигенция, требующее для своего раскрытия рефлексивной последовательной интерпретации, оказывается «нечитаемым». Концепт, лишенный содержания, умирает, становится «пустым знаком», декоративным атрибутом. Данную ситуацию весьма точно обозначил В. Данилов: «слово “интеллигент” функционирует как абсолютный идиом, идиом, который не переводим даже в собственный язык; пароль, который некому сказать; пропуск в никуда; ключ от потерянного замка, который уже никакая дверь не сделает золотым» [3].

Пожалуй, можно констатировать с достаточной долей уверенности, что интеллигенция начинает терять привилегию на самоконституирование собственного концепта, постепенно, но целенаправленно переходящую в ведомство массовой культуры. Формируется новый образ интеллигенции, который либо больше напоминает карикатуру на когда-то центральную культурную константу, либо растворяется в более значимом концепте *интеллектуальность*. Возникшая в последние годы активная дискуссия вокруг феномена нравственно ответственной идейной группы и ее роли в развитии русского современного общества, к сожалению, больше напоминает не процесс возрождения, а «поминки по интеллигенции».

Литература:

- Болдырев Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики, 2004, № 1.
Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1990.

- Данилов В. Интеллигентский вопрос, или What is it like to be an intelligent? // <http://censura.ru/view.htm?articulum=25>
- Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? Санкт-Петербург, «Алетейя», 1998.
- Камчатнов А. М. О концепте *интеллигенция* в контексте русской культуры // Язык и ментальность. СПб., 2004.
- Кубрякова Е. С. Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. М., 1991.
- Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 52, № 1, 1993.
- Лосев А. Ф. Имя. СПб., 1997.
- Лотман М. Ю. Интеллигенция и свобода (к анализу интеллигентского дискурса) // Россия/Russia. Новая серия под ред. Н. Охотина. 1998. Вып. 2 (10).
- Неретина С. С. Концепт // Новая философская энциклопедия. Т. 2. М., 2001.
- Розанов В. В. Мимолетное. М., 1994.
- Руднев В. Энциклопедия гармонизированных концептов // Логос, № 11, 1999
- Ерофеев В. В лабиринте проклятых вопросов. М., 1996.
- Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. М., 1997.
- Успенский Б. А. Русская интеллигенция как специфический феномен русской культуры // Россия/Russia. 1999, № 2.
- Фирсов Б. М. Интеллигенция и интеллектуалы в конце XX века // Звезда, № 8, 2001.